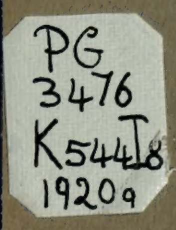

Kliuv, Nikolai Alekseevich
Izbianyia piesni

LÜJEFF

LIEDER

„SKYTHEN“ / BERLIN

Н. КЛЮЕВЪ

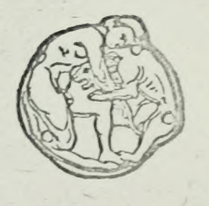
ИЗБЯНЫЯ ПѢСНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ“ / БЕРЛИНЪ

N. KLÜJEFF

ISBALIEDER

VERLAG „SKYTHEN“ / BERLIN

Н. КЛЮЕВЪ

ИЗБЯНЫЯ ПѢСНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ“ / БЕРЛИНЪ

КРАСНАЯ ПѢСНЯ

Распахнитесь орлиныя крылья,
Бей набатъ и гремите грома —
Оборвалися цѣпи насилья
И разрушена жизни тюрьма!

Широки черноморскія степи,
Буйна Волга, Уралъ златорудъ —
Сгинь кровавая плаха и цѣпи,
Казематъ и неправедный судъ!

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетѣла надъ Русью Жаръ-птица,
Ярый гнѣвъ зажигая въ груди . . .
Богородица наша Землица —
Вольный хлѣбъ мужику уроди!

Сбылись думы и давніе слухи,
Пробудился Народъ-Святогоръ;
Будетъ медъ на домашней краюхѣ
И на скатерти ярокъ узоръ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлѣбъ да соль, Костромичъ и Волынецъ,
Олончанинъ, Москвичъ, Сибирякъ!
Наша Волюшка — Божій гостинецъ —
Человѣчеству свѣтлый маякъ!

Отъ Байкала до теплаго Крыма
Расплеснется ржаной Океанъ.
Ослѣпительнѣй ризъ серафима
Заревой Святогоровъ кафтанъ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте-же свѣчи Мужицкому Спасу!
Знанье — братъ, и наука — сестра.
Ликъ пшеничный, съ брадой солнцевласой—
Воплощеніе любви и добра!

Оку Спасову сумракъ несносенъ,
Ненавистенъ телецъ золотой;
Китежъ-градъ, ладанъ Саровскихъ сосенъ —
Вотъ нашъ рай вождел̂енный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами —
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Вѣрьте-жъ, братья, за чернымъ ненастьемъ
Блещетъ солнце — Господне окно;
Чашу съ кровью, всемірнымъ причастьемъ,
Намъ испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами, —
Довольно имъ властвовать нами,
На бой, на бой!

ФЕВРАЛЬ

Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году,
Посланецъ бурь — февраль;
Онъ полуночную звѣзду
Перековалъ на сталь.

И сталь поетъ ясна, остра,
Какъ половодный ледъ.
Не самоцвѣтовъ-ли гора
Изъ сумрака встаетъ?

То огнепальное чело,
Очей грозовый пылъ
Того, кто адское жерло
Слезою угасилъ.

Чей крестный потъ и сѣрый кусъ
Лучистѣй купины.
Онъ — воскрешенный Іисусъ,
Народъ родной страны.

Трепещетъ адъ гвоздиныхъ ранъ
Терноваго чела...
Въ глухой степи, гдѣ синь-туманъ,
Пылаютъ купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли градъ.
Многоплеменный каравай
Подѣлятъ съ братомъ братъ:

Литва — съ кряжистымъ Пермякомъ,
Съ Карелою — Туркменъ;
Не сломятъ штыкъ, чугунный громъ
Ржаного Града стѣнъ,

Не осквернятъ палящій ликъ
Свободы золотой...
Красноголосый вѣчевикъ —
Ликуй, народъ родной.

Алмазный плугъ подыметъ ярь
Волхвующихъ бороздъ.
Овинъ — пшеничный государь
Въ вѣнцѣ изъ хлѣбныхъ звѣздъ.

Его сермяжный манифестъ —
Предвѣчности строка...
Кто палъ, неся кровавый крестъ,
Земля тому легка.

Тому овинная свѣча,
Какъ Спасу, зажжена...
Моря мірского калача
Безъ берега и дна.

Въ нихъ погибаютъ корабли:
Неволя, Лихо, Сглазъ —
То Царь Морской — Душа Земли —
Свершаетъ брачный плясъ.

ИЗБЯНЫЯ ПѢСНИ

Четыре вдовицы къ усопшей пришли...
(Крича бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидомъ въ котловинъ сундуки
Съ сынкомъ Листодеромъ ссыпалъ мѣдяки).
Четыре вдовы въ поминальныхъ платкахъ,
Та съ гребнемъ, та съ пепломъ, съ рядниной
въ рукахъ,
Пришли, положили поклонъ до земли,
А послѣ съ ковригою печь обошли,
Чтобъ печка-лебедка, бѣла и тепла,
Какъ допрежъ, сытовые хлѣбы пекла.
Посыпали пепломъ на куричій хвостъ,
Чтобъ немочь ушла, какъ мертвецъ, на погостъ.
Хрущатой рядниной покрыли скамью —
На одръ положили родитель мою.

Какъ ель подъ шелою, вздохнула изба,
Въ углу зашепталася тѣней гурьба,
Въ хлѣвушкѣ замукалъ сохатый телокъ,
И вздулся, какъ парусъ, на грядкѣ платокъ, —

Дохнуло Молчанье... Одни журавли,
Какъ витязь побѣду, трубили вдали:
„Мы матери душу несемъ за моря,
Гдѣ Солнцеву зыбку качаетъ Заря,
Гдѣ въ красномъ покоѣ дубовы столы,
Отъ мисъ съ киселемъ словно кипень бѣлы.
Тамъ Митрій Солунскій, съ Миколою Власъ
Святыхъ обряжаютъ въ камлотъ и атласъ,
Креститель Иванъ съ ендовы росписной
Ихъ поитъ живой Іорданской водой..."

Зардѣлось оконце... Закатъ золотарь
Шасть въ избу незваный: — „Принесъ-де стихарь —
Умершей обнову, за пѣсни въ бору,
За думы въ разсвѣтки, за сказъ въ вечеру...
А выносъ блюсти я съ собой приведу
Сутемки, Зарянку и внучку Звѣзду;
Скупцу жъ Листодеру чрезъ мокреть и гать
Велю золотыя ширинки постлать".

Лежанка ждетъ кота, пузанъ-горшокъ хозяйку —
Объявятся они, какъ въ солнечную старь,
Мурлыкѣ будетъ блинъ, а печку-многознайку
Насытятъ щаный паръ и гречневая гарь.

Въ окнѣ забрежжитъ лучъ — волхвующая сказка,
И вербой расцвѣтетъ ласкающій уютъ;
Запечныхъ бѣсенятъ хихиканье и пляска,
Какъ въ заморозки ключъ, испуганно замрутъ.

Увы, напрасенъ сонъ. Кудахчетъ тщетно рябка,
Что крошекъ нѣтъ въ зобу, что сумракъ такъ
унылъ —
Хозяйка въ небесахъ, съ мурлыки сшита шапка,
Чтобъ дѣдовскихъ сѣдинъ буранъ не леденилъ.

Лишь въ предразсвѣтный часъ лѣсной, снотвор-
ной влагой
На избяную тварь нисходитъ угомонъ,
Какъ будто нѣтъ Судьбы, и про блины съ котягой,
Блюдя печной дозоръ, шушукаетъ заслонъ.

От сутемокъ до звѣздъ и отъ звѣздъ до зари
Бѣль бересты, зыбь, хвой и смолы янтари,
Перекличка гагаръ, водъ дремучая дремь,
И въ избѣ, какъ въ дуплѣ, рудо-пѣгая темь,
Отъ ловушекъ и шкуръ лисій таежный духъ,
За оконцемъ туманъ, словно гагачій пухъ,
Журавлиный пролетъ, ропотъ ливня вдали,
Надъ поморьемъ лѣсовъ облаковъ корабли,
Надъ избою кресты благосѣнныхъ вершинъ. . .

Спятъ въ землѣ дѣдъ и мать, я въ потемкахъ одинъ.
Чую сѣть на стѣнѣ, самопрялка въ углу;
Какъ совята съ гнѣзда, заглядѣлись во мглу,
Сиротѣютъ въ укладѣ шушунъ и платокъ;
И на отмели правитъ поминки челнокъ,
Ель гнусавитъ псаломъ: „яко воскъ отъ огня"...
Далеко до лѣсного желѣзнаго дня,
Когда боръ, какъ кольчужникъ, доспѣхомъ гре-
митъ —
Королевну-Зарю полонить норовитъ.

Хорошо въ вечеру, при лампадкѣ,
Погрустить и поплакать втишокъ,
Изъ рѣзной, низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулокъ,

Ненаѣдою-гостемъ за кружкой
Усадить на лежанку кота,
И слѣдить, какъ лучи надъ опушкой
Догораютъ видѣньемъ креста,

Какъ бредетъ позадъ дремлющихъ гуменъ,
Оступаясь, лохматница-мгла...
Все по старому: дѣдъ, какъ игуменъ,
Спитъ лахань и притихла метла.

Тамъ божничныя сумерки строже.
Дѣдъ безмолвенъ, провидя судьбу,
Глубже взоръ и морщины... О, Боже —
Завтра годъ, какъ родная въ гробу!

Шестокъ для кота, что амбаръ для попа,
Къ нему не заглохнетъ кошачья тропа:
Зола, какъ перина, — лежи, почивай —
Приснятся снетки, просяной каравай.

У матери-печи одно на умѣ:
Теплынь уберечь да всхрапнуть въ полутьмѣ;
Недаромъ въ глухой, свечерѣвшей избѣ,
Какъ парусу въ ведро, дремотно тебѣ.

Ой, вороны-сны, у невѣсты моей
Не выклевать вамъ безпотемныхъ очей!
Летите къ мурлыкѣ, на теплый шестокъ,
Куда не заглянетъ прожорливый рокъ,

Гдѣ странники годы почили золой,
И безперечь хнычетъ горбунъ-домовой;
Ужели плакида, запечный жилецъ,
Почуялъ разлуку и сказки конецъ?

Кота-жъ лежебока будите скорѣй,
Чтобъ былъ на сторожѣ у чуткихъ дверей,
Мяукалъ бы злобно и хвостъ распушилъ,
На смерть трясогузую когти острилъ.

Осиротѣла печь, заплаканный горшокъ
Съ таганомъ шепчутся, что умерла хозяйка,
А за окномъ чета довѣрчивыхъ сорокъ
Стрекочетъ: „близокъ май, про то, дружокъ,
узнай-ка!
Узнай, что снигири въ лѣсу справляютъ свадьбу,
У дятла-кузнеца облѣзъ отъ стука зобъ,
Что ввѣривши жуку подземную усадьбу
На солнце вылѣзъ кротъ — угрюмый рудокопъ,
Что тянутъ журавли, что проболталась галка
Воришкѣ-воробью про первое яйцо“. . .

Изждалася бадью вихрастая мочалка,
Тоскуетъ, что давно не моется крыльцо.
Теперь бы плескъ воды съ веселою уборкой,
Въ окнѣ кудель лучей и сказка безъ конца. . .
За печкой домовой твердитъ скороговоркой
О томъ, какъ тихъ погостъ для новаго жильца,
Какъ шепчутся кресты о вѣчномъ, безымянномъ,
Чѣмъ сумеркъ паперти баюкаетъ мечту.
Насупилась изба и окомъ оловяннымъ
Уставилось окно въ капель и темноту.

Весь день поучатися правдѣ Твоей,
Какъ вешнюю озимь, ждать свѣтлыхъ гостей
Въ раю избяномъ, и въ затишьи гумна
Поплакать медово, что будетъ „она“.
Задремлется дѣду, лучина замретъ —
Безплотная гостья въ свѣтелку войдетъ,
Поклонится Спасу, погладитъ внучатъ,
Какъ травка лучу, улыбнется на платъ:
Виситъ, дескать, сирый, хозяйкѣ въ замѣнъ.
Повыкованъ вѣнчикъ изъ облачныхъ пѣнъ:
Очелье — альмазъ, по бокамъ — изумрудъ,
Трехъ отроковъ пещныхъ и ангеловъ трудъ.
Пѣтухъ кукарекнетъ, забрезжитъ свѣтецъ,
Въ дверяхъ засіяетъ Медомтовъ вѣнецъ;
Пречудный святитель войдетъ съ посошкомъ,
Въ пастушьихъ лапотцахъ, повитый лучемъ.
За нимъ, умѣряючи крылъ паруса,
Предстанетъ Иванъ — грозовая краса:
Онъ съ чашей крестильной, и голубь надъ нимъ...
Всю ночь поучаюсь я тайнамъ твоимъ.
Заутро у бурой полнѣе удой,
У рябки яичко, и веселъ гнѣдой.
А тамъ, гдѣ святые росою прошли,
Съ курлыканьемъ звонкимъ снуютъ журавли:
Чтобъ сизыя крылья и клювъ укрѣпить,
Имъ надо росы благодатной испить.

Зима изгрызла бокъ у стога,
Вспорола скирды, но вдомекъ
Буренкѣ пѣгая дорога
И грай нахохленныхъ сорокъ,

Сороки хохлятся — къ капели,
Дорога пѣга — быть теплу.
Какъ лещъ наживку, ловять ели
Луча янтарную иглу.

И лучъ бѣжитъ въ переполохѣ,
Ныряетъ въ хвои, въ зыбь вѣтвей...
По вечерамъ коровьи вздохи
Снотворнѣй бабкиныхъ рѣчей:

„Къ веснѣ пошло, на рѣчкѣ глыбко,
Буренка чуетъ водополь“...
Изба дремлива, словно зыбка,
Гдѣ смолкли горести и боль.

Лишь въ поставцѣ, какъ скряга — злато,
Теленье числя и удой,
Подойникъ съ кринкою щербатой
Тревожатъ сумракъ избяной.

Въ селѣ Красный Волокъ пригожій народъ.
Лебедушки дѣвки, а парни, какъ медъ,
Въ моленныхъ рубахахъ, въ бѣленныхъ портахъ,
Съ малиновой рѣчью на крѣпкихъ губахъ;
Старухи въ долгушкахъ, а дѣды — стога,
Ихъ розсказни внукамъ милѣй пирога:
Вспушатся усищи, и киноварь словъ
Выводитъ узоры пестрѣй теремовъ.
Моленна въ селѣ — семискатный навѣсъ:
До горняго неба семь нижнихъ небесъ,
Ступенчаты крыльца, что часъ, то ступень,
Всѣхъ двадцать четыре — заутренній день.
Рундукъ запорожный — пречудный ѳаворъ,
Гдѣ плоть убѣлится, какъ пѣна озеръ.
Бревенчатый коробъ — утроба кита,
Гдѣ спасся Іона двуперстьемъ креста.
Озерная схима и куколь лѣсовъ
Хоронятъ село отъ людскихъ голосовъ.
По Пятничнымъ зорямъ на хартіи водъ
Всевышнія притчи читаетъ народъ:

„Сладчайшаго Гостя готовьтесь принять!
Грядетъ Онъ въ нощи, яко скименъ и тать;
Будь парнемъ женатый, а парень, какъ дѣдъ“...
Полощется въ озерѣ маковый свѣтъ,
Въ пѣганыя глуби уходитъ столбомъ
До сердца земного, гдѣ праотцовъ домъ.
Тамъ, въ саванахъ блѣдныхъ, соборы отцовъ
Ждутъ радужныхъ чаекъ съ родныхъ береговъ:
Летятъ онѣ съ вѣстью, судьбы бирючи,
Что попрана Бездна и Ада ключи.

Коврига свѣжа и духмяна,
Какъ росная пожня въ лѣсу,
Пушистъ у кормилицы мякишъ,
И бѣлъ, какъ бересто, исподъ.

Она — избяное свѣтило,
Лучистѣе дѣтскихъ кудрей:
Въ чуланъ загляни ненарокомъ —
Въ лицо тебѣ солнцемъ пахнетъ.

И въ часъ, когда сумерки вяжутъ,
Какъ бабка, косматый чулокъ,
И хочется маленькой Машѣ
Сытоваго хлѣбца поѣсть, —

Въ ржаномъ золотистомъ сіяньи
Коврига лежитъ на столѣ,
Ножу лепеча: „я готова
Себя на закланье принесть“.

Кутокъ у малютки въ подолѣ —
Въ затонѣ рыбачій карбасъ:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызаны днище и руль —

Но свѣтлая радость спасенья,
Прибрежная тишь послѣ бурь
Зарѣютъ въ ребяческихъ глазкахъ,
Какъ ведреный, синій Іюль.

Вешнія капели, солнопекъ и хмара,
На солономъ плесѣ первая гагара,
Духъ хвои, бересты, проглянувшій щебень,
Темью — сонъ-липуша, розсказни да гребень.
Тихій, мѣрный ужинъ, для ночлега лавка,
За оконцемъ мѣсяцъ — Божья камилавка,
Сонъ сладимѣй сбитня, пѣтухи съ просонокъ,
Въ зыбкѣ снигиренкомъ пискнувшій ребенокъ,
Надъ избой сутемки — дѣдовская шапка,
И въ углу божничномъ съ лестовкою бабка...
Отъ печного дыма ладонъ пущъ сладимый,
Молвь отшельницъ-елей: „иже херувимы“.
Вновь капели бусы, солнопека складень...
Думъ — гагаръ пролетныхъ не исчислить за
день.
Пни — лѣсные дѣды, въ дуплахъ гудъ осиный,
И отъ лыжъ продужья на тропѣ лосиной.

~

Бродитъ темень по избѣ,
Спотыкается съ просонокъ,
Балалайкою въ трубѣ
Заливается бѣсенокъ:

Трынь, да брынь, да тере-рень...
Чу! заутреные звоны!
Богородицына тѣнь,
Просіявъ, сошла съ иконы.

Въ дымовище сгинулъ бѣсъ,
Печь, какъ старица, вздохнула;
За окномъ бугоръ и лѣсъ
Зорька въ сыту окунула.

Тамъ, минуючи зарю,
Ширь, безвѣстныхъ плоскогорій,
Одолѣть судьбу-змѣю
Скачетъ пламенный Егорій.

На задворки вышелъ Власъ
Съ вербой, въ вѣнчикѣ сусальномъ...
Золотой, воскресный часъ,
Просіявшій въ безначальномъ.

Судьба-старуха нижетъ дни,
Какъ зерна бусъ — на нить:
Мелькнетъ игла — и вотъ они,
Кому глаза смежить;

Блеснетъ игла — опять чередъ
Любить, цвѣты срывать...
Не дологъ день, и кратокъ годъ
Нетлѣнное создать.

Все прахъ и дымъ. Но есть въ вѣкахъ
Богорожденный часъ.
Онъ въ сердобольныхъ деревняхъ
Зовется Свѣтлый Спасъ.

Не потому-ль родимыхъ селъ
Смиренномудренъ видъ,
Что жизнедательный глаголъ
Имъ явственно звучитъ,

Что небо теплитъ имъ огни,
И Дѣва-благодать,
Какъ тихій ленъ, спрядаетъ дни,
Чтобъ вѣчное соткать?

Рыжее жнивье — какъ книга,
Борозды — древняя вязь,
Мыслитъ начетчица-рига,
Свѣтлымъ рѣченьямъ дивясь.

Потъ трудолюбца Іюля,
Сказку кряжистой избы —
Все начертала косуля
Въ книгѣ народной судьбы.

Полно скорбѣть, человѣче,
Счастье дается въ чередъ!
Тучку — клубъ шерсти овечьей
Лѣшева бабка прядетъ.

Вѣтромъ гудитъ веретище,
Маревомъ тянется нить:
Время въ глубокомъ мочищѣ
Ленъ съ конопелью мочить.

Изморозь стелетъ рогожи,
Зябнетъ калины кора:
Выдубить бѣлыя кожи
Дѣду приспѣла пора.

Зыбку, съ чепцомъ одѣяльце
Прочитъ болѣзная мать —
Знай, что кудрявому мальцу
Тятькой по осени стать.

Что начертала косуля,
Все оборотится въ быль...
Эхъ-ма! Лебедка Акуля,
Спой: „не шуми чернобыль!“

